

ше хозяев с независимыми и несинхронизированными программами, как можно гарантировать, что средства тратятся именно на науку, тратятся эффективно и нет, например, дублирования одного и того же исследования, которое делается в разных местах? Сложение случайно направленных векторов может дать ноль. Страна поставила амбициозные и наукоемкие цели — 78+ в продолжительности жизни, вхождение в пятерку экономик и так далее. Но если мы, как лебедь, рак и щука, будем тащить средства на науку в разные стороны, то можем никуда и не пойти. Конечно, в идеале неплохо было бы сделать единую государственную программу, собрать все деньги хотя бы на гражданскую науку туда и дальше посредством этой программы координировать, кому и какого вида идет финансирование: базовое, тематическое, конкурсное, гранты. Но у нас отсутствует орган надведомственной координации типа советского Госкомитета по науке и технике. Будем надеяться, что функция научно-методического руководства научной деятельностью всех учреждений даст РАН инструмент для координации, не через финансирование, а через оценку научной деятельности и эффективности использования бюджетных ресурсов.

Возвращаясь к тому, что делается по реализации прошлогодних планов, — это определенная реорганизация работы в самой академии и осознание каждым членом академии своей роли в новых условиях. Одно из решений, которое мы сформулировали, но пока не реализовали в полной мере, — это переформатирование и активизация работы научных советов РАН, которых в целом более сотни по всем научным дисциплинам. Нужно, чтобы эти советы начали работать регулярно, если хотите — ежедневно. В будущем году у нас будет финансовый ресурс, с помощью которого мы должны запустить максимально эффективным образом деятельность советов по прогнозированию основных направлений научного, научно-технического и социально-экономического развития страны. Этого от нас давно ждут.

Мы работаем также над активизацией просветительской деятельности РАН. Престиж научно-инженерной профессии в нашей стране не очень высок, и это ставит целый комплекс вопросов. Необходимы не только зарплаты в 200% по региону или хорошие линейки поддержки молодежи в виде грантов, требуется в целом изменение общественного мнения, что просто так не сделаешь. Но без повышения престижа мы не получим необходимый приток молодежи в науку. Это не только наши советы школьникам, куда пойти учиться, это и работа с родителями, учителями, СМИ, они все должны быть увлечены нашими идеями, чтобы ориентировать молодежь в науку. Почему эта задача сейчас особенно важна? Если нарисовать распределение по возрастам в научно-исследовательском секторе страны, то мы увидим, что есть максимум в возрастной группе около 30 лет, потом существенное снижение около 50 лет, потом возрастание к 70 годам, такая двугорбая кривая. Это говорит о том, что, с одной стороны, вроде бы есть интерес и молодежь пошла в науку, а с другой — пожилые представители второго, возрастного «горба» со временем будут в ближайшее время терять научную активность. Нам нужно это компенсировать на входе в науку. Как это сделать, если родители говорят ребенку: чтобы быть хорошим ученым, надо долго и трудно учиться, а материальное положение не самое высокое, зачем тебе такая профессия. А если посмотреть, кто эти родители, то среди них много тех, кто в 1990-е годы был разочарован, даже расстался с наукой, пошел в киоскеры, челноки, в банки, чтобы обеспечить свое будущее и будущее детей. И вернуть расположение этих взрослых людей к научной деятельности сейчас очень сложно. Но заниматься в хорошем смысле рекламой науки нужно, и мы сейчас активно это делаем, работаем с просветителями, СМИ. Возвращаясь к выборной программе прошлого года, это еще задача восстановления имиджа РАН в средствах массовой информации. Много здесь в наш адрес было брошено камней, что академия замкнулась сама в себе, что это общество «избранных для избранных». Возможно, здесь сказался наш менталитет, поскольку в советское время академики занимали исключительные позиции, а когда пришли в новое время, в новую формацию, где конкурентность, открытость и нужно непрерывно сражаться за финансовые ресурсы, то не смогли себя изменить. Претензия правильная, и нам нужно стать более открытыми для общества. При этом мы должны использовать в качестве проводников вас, журналистов, потому что вы умеете говорить на понятном обществу языке. У нас с вами есть широкое поле для взаимовыгодного сотрудничества, хотя понятно, что наши интересы и ценности не всегда полностью совпадают с вашими. СМИ важно быть первыми, объявить новость как можно раньше и громче, а еще лучше представить сенсационно, что обеспечивает интерес публики, просмотры, деньги и так

Необходимы не только зарплаты в 200% по региону или хорошие линейки поддержки молодежи в виде грантов, требуется в целом изменение общественного мнения, что просто так не сделаешь

далее. В науке сенсации весьма редки, а что-то неожиданно яркое часто оказывается фейком. Или пример нашего последнего общего собрания. Мы его считаем очень важным, много положительного за год сделали, отработали, но отдельные шероховатости в ряде СМИ подавались как нечто самое важное в работе общего собрания РАН. Должна быть какая-то конвенция между нами, мы не против того, чтобы был информационный повод и яркая подача, но это не должно затмевать реальной сущности того, что происходит.

— Вы же не только администратор, но и ученый — расскажите, пожалуйста, как вам удается сочетать две эти роли? Не стало ли меньше времени на собственно науку?

— У нас новая команда в руководстве академией, и все мы понимаем, что должны оставаться учеными, в том числе и потому, что, только будучи участником процесса генерации знаний, вы понимаете и чувствуете современные тренды в науке. Перестали заниматься наукой — перестали понимать, перестали понимать — теряете интерес и становитесь закомплексованными. Для ученого важно, что он публикуется, выступает, для него как аплодисменты для артистов то, что на него начинают ссылаться, его результат важен, востребован. У всех вице-президентов РАН есть часть времени, у каждого своя, которую они посвящают науке. Есть даже вице-президент, который, когда входил в команду, поставил условие, что соотношение будет 50% на 50%. Я тоже продолжаю заниматься наукой, хотя не так активно, как раньше.

— Расскажите, пожалуйста, об основных направлениях работы вашего института, вашего научного хозяйства.

— Продолжает развиваться направление создания лазеров со сверхвысокой интенсивностью. Мы движемся к тому, чтобы начать работу по созданию лазера с рекордными параметрами пиковой мощности — субэкзаваттного уровня. В этом году была присуждена Нобелевская премия нашим зарубежным коллегам, работающим в близком направлении. С одним из них, Жераром Муру, мы и занимались этой тематикой в Нижнем Новгороде, он провёл у нас несколько лет наездами. Это направление признано сейчас на самом высоком уровне, и я продолжаю участвовать и в теоретических исследованиях и организации работ по строительству новой установки. Есть еще одно интересное направление, которым я занимаюсь. Это биофотоника, нацеленная на то, чтобы получать детальную информацию о живых системах с помощью новых источников оптического излучения. Это различные методы оптической томографии, спектроскопии, вплоть до очень амбициозных задач получения информации о функционировании отдельных клеток, находящихся на значительной глубине внутри живых организмов, и определенным образом управления их функционированием.

— Возвращаясь к теме прошедшего общего собрания РАН, как бы вы кратко охарактеризовали происшедшее на нем?

— К отдельным сессиям я бы применил такое слово, как фейерверк, настолько интересными были большинство научных докладов и докладов от заказчиков научных исследований, начиная от энергетики, медицины и заканчивая сельским хозяйством. Такая концентрация интересной информации и так красиво порой это было преподнесено, что хотелось слушать и слушать. Я получил исключительное удовольствие не как администратор, руководящий проведением этого мероприятия, а именно в познавательном плане. Еще одно сильное впечатление — от выступлений представителей правительства. Прежде всего вице-премьера Татьяны Голиковой, сформулировавшей ее видение задач, стоящих перед РАН, и обещавшей помощь в ресурсах для их выполнения. Интересным было выступление министра природных ресурсов Дмитрия Кобылкина о научно-технических проблемах его министерства, включая разведку и добычу полезных ископаемых, экологию, дистанционное зондирование земли.

— Традиционный вопрос «Науки» — о свободном времени: есть ли оно у вас? Чем вы его занимаете?

— Пока это, наверное, единственный вопрос, который я еще не урегулировал. Стыдно признаться, но я за прошедший год в Москве ни разу не был в театре. Времени свободного совсем нет. Мы первый год в значительной степени отработали на адренине, но это когда-то должно закончиться, перейдем в нормальный режим работы, вот тогда и займусь организацией досуга, походами в театр и на выставки.

Интервью взял **ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВ**, группа «Прямая речь»